

Особенностью выступлений Трампа и описания им роли США на мировой арене является неизменный акцент на экономическом превосходстве США над другими государствами, которое подчеркивается с помощью приема сравнения («an economic powerhouse like never before») и прилагательных в превосходной степени («the greatest and most powerful economy»). Возможно, подобная расстановка акцентов объясняется принадлежностью самого Д. Трампа к бизнес-кругам, что также наложило отпечаток на его президентскую риторику. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что в основе описания роли США на мировой арене лежит концепция об американской исключительности, подразумевающая политическое и экономическое превосходство США над другими странами. Подобное превосходство в свою очередь наделяет США правом принимать решения, затрагивающие жизнь других стран, а также предоставляет США пространство для маневра в реализации этих решений.

Итак, военно-политический дискурс представляет собой дискурс политических элит, сопровождающий различные этапы военных кампаний и призванный обосновать необходимость их осуществления с учетом основополагающих ценностей того или иного общества. Ключевым жанром военно-политического дискурса является обращение к нации, которое, будучи официальным жанром, обладает более или менее постоянной структурой с нежестким порядком компонентов, позволяющих адаптировать тексты под конкретную социально-политическую ситуацию.

Литература

1. Солопова О. А., Наумова К. А. Обращение к нации как жанр военно-политического дискурса // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. № 12. С. 945–968.
2. Gay W. C. The language of war and peace // Encyclopedia of violence, peace, and conflict / ed. by L. R. Kurtz, J. Turpin. Cambridge: Academic Press, 1999. P. 303–312.
3. Welch R. L. Presidential success in communicating with the public through televised addresses // Presidential studies quarterly. 2003. № 2. P. 347–356.

УДК 81'37

Н. А. Клушин (Нижний Новгород, Россия)

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Семантическая двуплановость как основа образности и стилистические приемы ее создания

В статье рассматриваются стилистические приемы, в основе которых лежит некий общий признак, позволяющий свести разнородные по своей структуре явления к единому – образности. Основным фактором ее создания является наличие двух сопоставляемых разно-

родных объектов реальной действительности, т.е. семантическая двуплановость. Выделяется способ создания образности за счет использования названий животных и растений для эмоционально-оценочной характеристики человека в разговорной речи.

Ключевые слова: архисема, дифференцирующая сема, потенциальная сема, зооморфизмы, фитоморфизмы, квазитождества, коннотация

Понимание образности строится на семантической структуре слова, согласно которой образными могут быть только художественные сравнения, квазитождества и тропы (метафоры, метонимия и т.п.). В этом аспекте данное явление получает отражение в наличии потенциальных сем, соотносящихся с потенциальными, нерелевантными свойствами предмета или явления и предопределяющих возможности необычных сочетаний слов, сдвигов их значений и т.п.

Следует отметить, что семы не являются однородными в содержательной структуре слова. Они не выстраиваются по горизонтальной оси, а образуют иерархию. При рассмотрении перераспределения сем в процессе семантического переосмысления наиболее удачной представляется иерархия, предложенная В. Г. Гаком. По его мнению, структура значения слова может быть представлена тремя типами сем: архисемы – общей семы родового значения, дифференцирующих сем видового значения и потенциальных сем, которые актуализируются в определенных условиях и отражают побочные и возможные (потенциальные) характеристики денотата [2, с. 370-371].

Процесс семантического переосмысления всегда сопровождается возникновением семантической двуплановости. Она возникает из совмещенного видения двух картин, из которых появляется третья, вбирающая в себя необходимые существенные признаки двух предыдущих. При этом сдвиг денотативной соотнесенности сопровождается преобразованием семной структуры – экспликацией одних сем и погашением других. Однако при переносе наименования на новый объект действительности полного погашения сем, актуализирующих первичные характеристики денотата, не происходит. Отображение объекта внеязыковой действительности осуществляется опосредованно – путем указания на другой объект, т.е. через призму характеристик, которые актуализируются в производном значении. Ср.: “Well, I’ll tell you what I said to the little **bird**,” Michael broke in [7, p. 123]. В этом предложении при переосмыслении слова *bird* «птица» – «легкомысленная женщина, девчонка» происходит перераспределение сем, соответствующее процессу вторичной номинации: замещение архисемы «птица» архисемой «человек», экспликация потенциальной семы производящего значения «легкомысленность». Однако остальные свойственные птице характеристики, такие, например, как «беспечность», актуализируемые в производящем значении, также воспринимаются сознанием, хотя и в частично погашенном виде. Благодаря этому создается нерасчлененное образное представление, в котором совмещены признаки обоих

денотатов: возникает семантическая двуплановость, т.е. появление образа в результате совмещения разных объектов.

Образность, следовательно, может быть определена как семантическое явление, в основе которого лежит семантическая двуплановость. Образность формируется за счет того, что дифференцирующие семы производящего значения не исчезают, а переходят в потенциальные семы производного значения.

Подобное толкование образности, являясь собственно семантическим, позволяет интегрировать в коннотации все смысловые компоненты, а именно: антропологический, согласно которому создается «наивная картина мира», находящая выражение в самой возможности осмыслять явления природы как «опредмеченные» константы, как лица или живые существа, обладающие качественными, динамическими и ценностными свойствами, далее – эмоционально-оценочный и выражающий отношение говорящего к условиям речи посредством выбора тех или иных языковых единиц, закрепленных за определенным речевым регистром как в его собственной, так и в чужеродной речевой среде.

Одним из наиболее употребительных способов создания образности является приписывание человеку свойств животных и растений. Обращенность к зоонимам и фитонимам, используемым для образной характеристики человека, объясняется внелингвистическими причинами. Сознание человека вначале интерпретирует свойства животного или растения в **человекоподобных** признаках, а затем переносит их на человека же. Иначе говоря, в природе человек видит себя, воспринимает природу в терминах комплексов своих собственных качеств и лишь затем, наблюдая яркую специфику черт какого-либо животного или растения, совершает акт обратного переноса – использует наименование животного или растения для образной характеристики человека, обладающего ярко выраженными чертами этого животного или растения.

Некоторые исследователи, в частности Ф. А. Литвин, зоологические номены, используемые в прямых значениях, называют «зоосемизмами», а употребляемые в переносном значении (применительно к образной характеристике человека) – «зооморфизмами» [4, с. 81]. По аналогии с этим оказалось возможным образовать и использовать термины «фитосемизмы» и «фитоморфизмы» соответственно [3, с. 11].

Термины «образ», «образный», «образность» встречаются в лингвистике довольно часто, однако их толкование у разных исследователей различно, порой нечетко и расплывчато. В лингвистическом смысле образность трактуется слишком широко – как «общая образность», сливаясь с ее литературоведческим пониманием, либо сужается до понятия стилистической тропеизации. Так, например, П. Г. Пустовойт пишет, что «образ – понятие литературоведческое. Обычно под художественным образом воспринимают воспроизведение типических явлений жизни в конкретно-индивидуальной сфере» [9, с. 114]. Отсюда

следует, что образ, с одной стороны, трактуется в философском плане как отражение действительности в сознании человека, закодированное при помощи слов; с другой стороны, образность будто бы ограничивается рамками художественной сферы.

Такие разногласия в толковании образа и образности связаны с тем, что в лингвистике статус этих понятий недостаточно очерчен. Словари лингвистических терминов либо не фиксируют их вообще, либо помещают только производный. Так, например, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой дается следующее определение: «Образный – содержащий в себе образ, несущий образ, изобилующий образами» [1, с. 275], в то же время интерпретация исходного термина «образ» в словаре не приведена.

Наиболее плодотворным для лингвистики является, на наш взгляд, осмысление образности как одной из двух составляющих семантической категории. Как всякая категория, образность представляет собой единство членов оппозиции «образное» и «необразное» применительно к лексическим значениям.

Исходя из положения, выдвинутого С. М. Мезениным о том, что «сами языковые единицы – морфемы, слова, словосочетания – образностью не обладают» [6, с. 50], для выявления признаков, по которым одни лексические единицы становятся образными, а другие – необразными, следует обратиться к структуре языкового знака. В структуре знака различают «означающее», десигнатор, т.е. представление о форме знака, о совокупности акустических и речемоторных впечатлений, и «означаемое», десигнат, т.е. представление о коллективно принятом содержании данного десигнатора [10, с. 15]. Однако в наименовании предметов окружающей действительности наряду с указанными величинами участвует еще одна величина психического плана – денотат, представляющий собой совокупность существенных для говорящего черт, признаков образа предмета, которые он собирается актуализировать в речевом акте. Именно денотат нуждается в языковом наименовании. Однако денотативное значение не исчерпывает всего содержания, которое заложено в слове. Неотъемлемым составляющим структуры денотата является коннотативное значение. Выделяются два типа коннотаций: коннотации, указывающие на определенную сферу общения, обусловленную социальными, региональными и культурными факторами, и коннотации, имеющие эмоциональную базу (коннотации усилительного значения, звукоподражания, уменьшительных и ласкательных наименований).

Зоосемизмы и фитосемизмы составляют заметный лексический пласт любого национального языка. В своих прямых значениях, т.е. являясь нейтральными языковыми единицами, они функционируют в любой речевой сфере. Однако когда они употребляются не в прямых значениях, а для зоо- и фитоморфизации объектов реальной действительности, то диапазон обслуживаемых ими коммуникативных сфер сужается. Так, зоо- и фитоморфизмы не характерны для

официально-деловой подсферы общения. В научно-технической подсфере общения они могут функционировать, но только как специальные термины. Ср.: *worm* «червь, червяк»; тех. «гусеничный ход»; *bean* «фасоль»; горн. «орешек (класс угля)».

Преимущественное употребление зоо- и фитоморфизмов связано со сферой бытовой коммуникации, для которой характерно использование специфического языка, называемого разговорным. Разговорный язык – это одна из функциональных подсистем языка, используемая главным образом в устном, повседневном, неофициальном общении. Разговорный субъязык, обслуживающий разговорно-речевую сферу, включает абсолютно специфические единицы, называемые коллоквиализмами. Это дает основание отнести зоо- и фитоморфизмы, употребляемые в разговорной речи, к разряду коллоквиальных словозначений. То, что зоо- и фитоморфизмы, используемые для образной характеристики человека, а именно его характера, поведения, внешнего вида и т.п., относятся к разговорному слою лексики, является фактом бесспорным. Это, во-первых, объясняется самой спецификой их семантики. В каждом из них присутствует сема фамильярности, которая является наиболее характерной особенностью неофициального общения. Во-вторых, зоо- и фитоморфизмы однозначно воспринимаются всеми сознательными носителями языка. «Разговорной речью, – пишет Ю. М. Скребнев, – пользуются в быту все говорящие на данном языке, независимо от уровня культуры» [11, с. 9]. В-третьих, в значениях зоо- и фитоморфизмов, используемых для образной характеристики человека, присутствуют в качестве компонентов коннотации, эмотивность и оценочность. Под эмотивностью обычно понимается закрепленная в значении информация об эмоциональном отношении говорящего к обозначаемому предмету или явлению. Оценочность представляет собой информацию об одобрительном или неодобрительном отношении говорящего к обозначаемому предмету или явлению.

Эмотивность и оценочность тесно связаны друг с другом, поэтому целесообразно говорить об эмоционально-оценочных характеристиках слова. Так, в предложении “Ah! But you don’t like being kissed, Jim. She cried. “You are a dreadful old **bear**” [13, p. 72] говорящий, используя слово *bear* «медведь» для характеристики собеседника, переоценивает вошедшую в язык в прилагательном «*неуклюжий*» и ставшую нормативной логической оценкой лица по его манере поведения, добавляя к ней «образно-ассоциативное представление (обычно – типичное для языкового коллектива) о таком эталоне неуклюжести, которое говорящему представляется “верхом неловкости” и выражает отрицательное по физическому основанию восприятие» [12, с. 13]. Поскольку образность рождается из сопоставления объектов, принадлежащих разным классам (в данном случае: человек – животное, человек – растение), то основными стилистическими приемами создания такой образности являются зоо- и фитоморфная ме-

тафора, зоо- и фитоморфные сравнения (как свободные, так и устойчивые), а также зоо- и фитоморфные квазитождества, представляющие собой активное, но неполное отождествление двух понятий, когда в рамках высказывания имеется традиционное (нефигуральное) наименование объекта (часто в качестве подлежащего), с которым активно связывается фигуральное наименование (обычно предикатив). Например: “I was loaded right to the neck. Oh, she was a **daisy**. Billy brought me home [5, p. 56]; “Oh, what a **beast** I am” [8, p. 56]. Во всех этих предложениях в качестве именной части сказуемого являются имена существительные зоо- и фитоморфного характера. Степень отождествления двух понятий достаточно высока, но является неполной, поскольку все фигуральные наименования везде сопровождаются расшифровывающими их прямыми наименованиями (she, I). На специфичность этого явления обратил внимание С. М. Мезенин, предложивший для его обозначения термин «квазитождество» [7, с. 30].

Естественно, что признак животного или растения, переносимый на человека, не всегда относится к числу их подлинных свойств, а соответствует лишь обиходно-бытовому представлению об этих представителях фауны и флоры, обусловленному прежде всего различием климатических и географических условий обитания носителей того или иного языка.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1986. 608 с.
2. Гак В. Г. К проблеме соотношения языка и действительности // Вопросы языкознания. 1972. № 5. С. 12–22.
3. Клушин Н. А. Зоо- и фитоморфные характеристики человека в английской разговорной речи: дис. ... канд. филол. наук / Нижегород. гос. пед. ин-т иностр. языков им. Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород, 1991. 157 с.
4. Литвин Ф. А. Об изучении разновидностей зооморфных характеристик (на материале английского языка) // В помощь преподавателям иностранных языков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974. Вып. 5. С. 81–93.
5. London J. Martin Eden. Moscow: Foreign Language Publishing House, 1954. 433 p.
6. Мезенин С. М. Образность как лингвистическая категория // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 48–57.
7. Мезенин С. М. Образные средства в языке Шекспира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1986. 30 с.
8. Maugham S. The Theatre. Moscow, 1985. 224 p.
9. Пустовойт П. Г. Слово, стиль, образ. М., 1965. 138 с.
10. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький: Гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Н. А. Добролюбова, 1975. 175 с.
11. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. 210 с.

12. Телия В. Н. Коннотативный аспект номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 144 с.
13. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. London: Penguin Books, 1966. 248 p.

УДК 811.111`27

*Е. Ю. Комарова, Е. Д. Сазонова (Пенза, Россия)
Пензенский государственный технологический университет*

Компьютерный сленг в современном языке

В статье анализируется компьютерный сленг в современном английском языке. Подробно рассматриваются основные способы образования компьютерного сленга, представлены примеры компьютерных жаргонизмов. Для изучения были использованы фразы и выражения из форумов и блогов, компьютерных игр и лексики технического обслуживания цифровой техники.

Ключевые слова: английский язык, компьютерный сленг, жаргонизмы, особенности перевода, способы образования

Взаимодействие с компьютером и другой цифровой техникой – неотъемлемая часть человеческой жизни, подразумевающая, как и любой другой вид коммуникации, определенные языковые особенности. И поскольку данная сфера человеческого знания и деятельности наполнена английскими словами, особое внимание в ней привлекают постоянно появляющиеся сленг и жаргонизмы, в значениях которых необходимо разбираться.

Сленг способствует развитию языка, пополняет его и создает языковое многообразие. Однако данное явление в языкознании является подвижным и динамически меняющимся, что создает определенные трудности в его изучении. Кроме того, сленг представляет собой междисциплинарное понятие, поскольку исследуется во взаимосвязи психологии, философии, языкознания и других научных направлений, изучающих социальную деятельность человека [1].

В первую очередь необходимо уточнить современное толкование термина «сленг». Он означает группу определенных слов или новых значений уже существующих слов, которые применяются в определённой возрастной или профессиональной группе. Кроме того, сленговые слова обычно не являются литературными [6].

Что касается компьютерного сленга, то он употребляется профессионалами в сфере компьютерной техники, а также системными администраторами (сисадминами / админами), чья работа непосредственно связана с обслуживанием компьютеров. Выражаясь фигурально, эта группа людей называет объем данных, занимаемый файлом, весом и измеряет их в метрах и гектарах.